

Русская литература: стратегии письма и чтения

ТИП РЕЗОНЁРА В РУССКОЙ КОМЕДИИ XVIII ВЕКА

Ирина Куликова

Вильнюс

Резонёр, или лицо рассуждающее, является, пожалуй, наиболее атрибутивным персонажем комедийного театра эпохи Просвещения, хотя его литературная генеалогия ведёт своё начало с античных времён. Как один из вечных персонажей европейской литературы (драмы и эпоса), он отмечается и в средневековом, и в ренессансном, и особенно в классицистском искусстве, получая соответственно всякий раз своё эстетическое содержание и оформление. Но суть этого персонажа всегда остаётся неизменной: он рассуждает, то есть мыслит и говорит, поясняет что-то и разбирает, обсуждает что-то, ведя беседу. В театре французского классицизма это значение и закрепило слово *raisonneur* (от *франц. raisonner* – рассуждать), ставшее обозначением сценического амплуа. Это же слово под влиянием французской драматургии (и, очевидно, из-за отсутствия русского однословного термина) пришло и в русский театр.

Как персонаж резонёр прежде всего связан с нравоучительной комедией, поднимавшей в основном серьёзные проблемы современной жизни, именно в ней он предстаёт эстетически законо-

мерной и значимой фигурой. Органичен он и в сатирической комедии, в которой острая сатира нередко сочеталась с нравоучительностью. По сути, в просветительской комедии резонёр приобретает статус главного персонажа-идеолога, что было связано с общей дидактической направленностью культуры Просвещения. Убеждение в том, что совершенствование нравственности каждого человека посредством его воспитания и просвещения неминуемо должно привести к улучшению общественной жизни, составляло одну из кардинальных идей многих просветительских теорий XVIII в., начиная с Локка. Одна из основных ролей в осуществлении просветительской программы воспитания общества отводилась искусству театра, нравственно-воспитательные возможности которого оценивались просветителями чрезвычайно высоко. Всей своей природой театр, как, пожалуй, никакой другой вид искусства, идеально отвечал этой задаче. Просветительская вера в разум приводила к убеждению, что слово обладает действенной, результативной силой. Выраженная словом истина могла и должна была рас-

сеять заблуждение, наставить человека на путь добродетели. Представителем и носителем этой истины в комедии Просвещения и стал резонёр. Именно ему отводилась важнейшая роль в осуществлении дидактической функции пьесы. Отражая авторскую позицию, он не только осуждал порок и доказывал пользу добродетели, но и нередко излагал со сцены просветительские нормы частной и общественной жизни, непосредственно выражая таким образом общие философские представления эпохи.

В русской комедии XVIII в. тип резонёра складывается под воздействием западноевропейского (прежде всего французского) образца¹. Он вбирает в себя, в той или иной мере, такие его основные структурные особенности, как произнесение нравоучительных речей, низкая сюжетная активность, несвязанность с комическим элементом и бытом. В идейно-тематическом плане речи русского резонёра включают в себя высказывания по довольно широкому кругу проблем русской жизни, даваемых либо с позиций здравого смысла, либо с точки зрения просветительской этики.

Формирование типа русского резонёра приходится на 70-ые гг. XVIII столетия, время русского Просвещения. Высшего своего выражения этот тип достигает в образе Стародума в фонвизинском *Недоросле* (1781). В своё время В.В. Сиповский, говоря о прототипах Стародума, называл родоначальницей типа резонёра в русской комедии Екатерину II: «<...> императрица Екате-

рина первая ввела в русскую комедию тип “резонёра”, выражающего взгляды самого автора. <...> После комедий императрицы Екатерины этот образ резонёра появляется во многих комедиях: так, в комедии Волкова *Воспитание* действует Добромысл, высказывающий здравые мысли о воспитании, о браке, об обязанностях дворянина по отношению к родине, о необходимости любить и знать отечество. В комедии Николаева *Попытка не шутка* действует Здравосудов, разумно, по-стародумски, рассуждающий о браке. Эти герои далеко не исчерпывают всей мудрости фонвизинского Стародума, но всё же они – родные его братья, готовые формы, их можно наполнять разным содержанием, но они не изменят своего внешнего вида»². Принять безоговорочно мнение Сиповского вряд ли возможно: во-первых, из-за известной неполноты выявленного комедийного репертуара 60–70 гг., а во-вторых, по причине слабой разработки образов екатерининских резонёров, всё резонёрство которых сводится к отдельным нравоучительным высказываниям.

Образ фонвизинского Стародума стал своего рода эталоном резонёра на русской сцене. Ни до, ни после него в этом амплуа в русской комедии не было создано ничего сколько-нибудь столь же значительного. Это дало повод как зрителям, так и театральным критикам и исследователям соотносить со Стародумом не только последующие, но и предшествующие образы резонёров.

² Сиповский В.В., «Из истории русской комедии XVIII века (К литературной истории “тем” и “типов”», *Известия Отд. рус. яз. и словесн. Российской академии наук*, Петроград: Типография Росс. Акад. наук, 1917. Т. XXII. Кн.1, с. 230.

¹ Этот вопрос требует специального исследования.

Сиповский, например, называет последних не иначе, как «прототипами» Стародума, точно так же он соотносит со Стародумом и образы резонёров в послефонвизинской комедии. Так, по его словам, «в лице резонёра Благоразума» из комедии Д. Хвостова *Русский парижанец* (1783) «без труда мы узнаём фонвизинского Стародума – тот же моральный облик, те же речи об обязанностях дворянина служить родине <...> то же умение спокойно и беспристрастно судить жизнь»³. Та же тенденция – мерить других русских резонёров меркой Стародума – отмечается у П.Н. Беркова, по мнению которого Праводум из анонимной комедии *Злоумный* (1781) «во многом напоминает Стародума»⁴; у Ю.Н. Борисова, замечаящего, как и Сиповский, о Благоразуме из *Русского парижанца* Хвостова, что это «персонаж, который по содержанию и направленности монологов и по своей сюжетной функции в какой-то мере соотносится с фонвизинским Стародумом»⁵; у А.А. Гозенпуда, по словам которого, «добродетельный Честон» из княжнинского *Хвастуна* (1786) – «бледный сколок со Стародума»⁶. Та же оценка персонажа Я. Княжнина даётся и в *Истории русского драматического театра*: «Высказывания Честона напоминают мысли Стародума, его настав-

³ Сиповский В.В., *Указ. соч.*, с. 256.

⁴ Берков П.Н., *История русской комедии XVIII в.*, Ленинград: Наука, 1977, с. 217.

⁵ Борисов Ю.Н., *«Горе от ума» и русская стихотворная комедия (У истоков жанра)*, Изд-во Саратовского ун-та, 1978, с. 55.

⁶ *Стихотворная комедия, комическая опера, водевиль конца XVIII – начала XIX века*. Сборник: Т. 1, Ленинград: Сов. писатель, 1990, с. 27.

ления Софье...»⁷. Приведённые мнения не только фиксируют значимость фонвизинского резонёра как совершенного образца для представителей этого ампула, но и свидетельствуют о типологическом сходстве резонёров разных комедий.

В строго поляризованной системе действующих лиц просветительской комедии резонёр, как правило, является положительным персонажем. Оознавательным знаком его положительности, прежде всего, выступает его комедийное имя, согласно классицистской эстетике фиксирующее нравственную сущность образа. Комедийные антропонимы русских резонёров семантически связаны либо с главными этическими категориями, имеющими вневременной, абсолютный характер, – понятиями правды (Праводум, Правомысл, Правдолюб, Правдолюбов), добра (Добромысл, Благоразум, Добросерд), здравого смысла (Здравомыслов, Здравомысл, Здравосудов); либо – с просветительскими моральными ценностями – чести (Честон, Честнодум), постоянства (Постоянов) как оппозиции разврата. Особую группу составляют антропонимы с семантикой со(противо)поставления нравов «века нынешнего» и «века минувшего» (Стародум, Старовек, Старомыслов), семантикой, актуальной в контексте социокультурной и политической ситуации, сложившейся в правление Екатерины II. Показательно, что антропонимы резонёров в большинстве случаев представляют собой двуслож-

⁷ *История русского драматического театра. В 7 т. Т. I: От истоков до конца XVIII века*, Москва: Искусство, 1977, с. 350.

ные лексемы, вторая составная часть которых связана с мыслительной способностью человека (мысл, дум, разум, суд), – так само имя отражает специфику резонёра как рассуждающего лица.

Обычно резонёр предстает персонажем в возрасте, что давало ему право с высоты своего жизненного опыта поучать и наставлять на путь добродетели других персонажей. Так, фонвизинский Стародум сам подчёркивает свой возраст: «Мне на свете шестьдесят лет» (Фонвизин, III, 2)⁸. Однако точное указание возраста Стародума, скорее, исключение, необходимое автору *Недоросля* для арифметического обоснования «добронравия» своего героя (воспитанного в традициях петровского времени отцом), во всём противостоящем распространившемуся при Екатерине дворянскому «злонравию». Чаще всего немолодой возраст резонёра мотивируется косвенным образом – он приходится близким родственником (дядей) либо порочному племяннику, либо кому-нибудь из пары благородных любовников, счастливому соединению которых он в той или иной мере содействует. Стародум – дядя Софьи, которую он «пришёл свободить» от «животных» Простаковых. Дядей является Праводум, который решает предотвратить брак своей племянницы Честаны с Ядоном и выдать её за положительного Премила (*Злоумный*). Здравосудов способствует замужеству своей племянницы Ели-

заветы с Честновым, а не со щёголем Фертиковым (*Попытка не шутка, или Удачный опыт* Н. Николева). Благодарзуд помогает своему племяннику Честону в устройстве его брака с Миленой и критически оценивает другого своего племянника – Франколюба (*Русский парижанец* Хвостова). Дядя порочного Развратина, граф Постоянов стремится помешать его женитьбе на положительной Лизе, дочери своего покойного друга (*Неудачный сговор, или Помолвил, да не женился* А. Майкова).

Сословный статус резонёра – дворянин. В комедиях он выступает как частное лицо, служебной должностью резонёр наделяется редко. Позиция частного лица давала возможность взглянуть на действительность со стороны, причём взглянуть критически, соотнося увиденное с неким субъективным идеалом. Предпочтение дворянином частной жизни службе нередко было выражением протеста, несогласия со сложившимся порядком вещей. В этом смысле показательна вторая отставка Стародума – «оставление» им двора. Не желая жить и служить по чуждым ему правилам, он «рассудил, что лучше вести жизнь у себя дома, нежели в чужой передней» (Фонвизин, III, 1).

Обычно резонёр был лицом без биографии, чем оттенялась его идеальность. Нетрадиционен в этом плане герой Фонвизина: он наделён развёрнутой предысторией. Этот приём не только «оживляет» образ, придавая ему черты индивидуального характера, но и – что главное – помогает показать Стародума в процессе духовного становления. Жизненный опыт Стародума придавал

⁸ Фонвизин Д.И., *Сочинения*, Москва: Правда, 1982.

Здесь и далее цитаты из текстов комедий приводятся с указанием фамилии автора комедии, а также цифровых обозначений действия (римская цифра) и явления (арабская цифра).

убедительность его обличительно-поучительным речам, вызывал у зрителя доверие к ним, что в итоге усиливало их дидактическое воздействие. С другой стороны, биография Стародума наглядно показывала, как трудно «честному человеку» со своими принципами ужиться в екатерининской России.

Относительно комедийного мира пьесы резонёр может занимать одно из двух положений: он может изначально находиться в нём с момента начала сценического действия (как, например, Праводум в комедии *Злоумный*) или же приходиться в него извне после начала действия (Стародум в *Недоросле*, Честон в *Хвастуне* Княжнина, Постоянов в *Неудачном сговоре...* А. Майкова). Как правило, чаще использовался второй вариант. В этом случае резонёр выступал в качестве внешнего фактора, восстанавливавшего нарушенную пороком норму жизни, с его явлением более рельефно обозначалось противостояние двух взаимоисключающих систем морально-нравственных ценностей и поведения и, в конечном счете, двух миропониманий. Наиболее ярко это явлено в фонвизинском *Недоросле*, причём в образе Стародума, помимо его участия в разрешении конфликта комедии, заметно усилена и вытекающая из ситуации «прихода извне», трагедийная по своему генезису, функция возмутителя спокойствия⁹. Она подчёркивается фактом появления Стародума на сцене только в начале третьего действия, после того как представлены почти все

персонажи и обрисованы быт и порядки усадьбы Простаковых. «До третьего действия Стародуму нечего делать на сцене, ибо развёртываемая им программа нравственно совершенного дворянина получает смысл на фоне бесчинств и грубой невежественности, царящих в мире Простаковых и Скотининых. Знакомству с этим миром <...> и посвящены первое и второе действия комедии»¹⁰.

Резонёр не принимает активного участия в комедийном действии, мера его личного участия в развитии сценической интриги обычно не очень высока. Он может в той или иной степени способствовать её движению и разрешению конфликта (так, Честон в *Хвастуне* Княжнина наводит справки о Верхолёте и разоблачает его как обманщика; Стародум отказывает Простаковой и Скотинину в руке Софьи в *Недоросле*). В борьбе за торжество добродетели резонёру, как правило, помогают другие положительные персонажи либо смекалистые, расторопные слуги (так, Стародуму в *Недоросле* активно содействуют Правдин и Милон; Праводуму в *Злоумном* приходит на помощь служанка Дарья). Но резонёр почти всегда является инициатором и идейным вдохновителем противодействия пороку.

Традиционно считается, что резонёр в комедии всегда находится вне сферы комического: его статус персонажа-идеолога не согласуется с ней по определению. Он серьёзен от начала и до конца своего пребывания на сцене. Однако это устоявшееся представление требует определённого уточнения. Резонёр,

⁹ Лебедева О.Б., *История русской литературы XVIII века*, Москва: Высшая школа; Изд. центр «Академия», 2000, с. 248.

¹⁰ Стенник Ю.В., *Русская сатира XVIII века*, Ленинград: Наука, 1985, с. 336.

действительно не связан с комическим началом, если под ним подразумевать комизм фарсовый, театрально-игровой (который обычно проявляется в сценическом поведении и речи осмеиваемых отрицательных персонажей и в забавных проделках слуг). Но он не чужд сложных форм речевого комизма, таких, как ирония и сатирическое обличение, сфера проявления которых обычно строго дифференцирована: ирония используется резонёром преимущественно в речевом контакте с отрицательными персонажами, а сатира – в диалогах с положительными героями и в монологах, обращённых к зрителям, при характеристике современных нравов. Фонвизинский Стародум в общении с семейством Простаковых и Скотининым нередко прибегает к иронии.

Скотинин. <...> Я Тарас Скотинин, в роде своём не последний. Род Скотининых великий и старинный. Пращура нашего ни в какой герольдии не отыщешь.

Правдин (смеючись). Эдак вы нас уверите, что он старше Адама.

Скотинин. А что ты думаешь? Хоть немногим...

Стародум (смеючись). То есть пращур твой создан хоть в шестой же день, да немного попрежде Адама?

Скотинин. Нет, право? Так ты доброго мнения о старине моего рода?

Стародум. О! такого-то доброго, что я удивляюсь, как на твоём месте можно выбирать жену из другого рода, как из Скотининых?

(Фонвизин, IV, 7)

Характерно, что именно на реплики Скотинина Стародум три раза в комедии реагирует смехом (ремарки «не могли удержаться от смеха», «смеючись», «смеётся»). Показательна и реплика

Скотинина, адресованная Стародуму: «Ба! Да ты весельчак. Давеча я думал, что к тебе приступу нет» (*там же*). Что же касается сатиры в речи Стародума, то её обличительные ноты звучат в его диалоге с Правдиным при описании придворных нравов (Фонвизин, III, 1).

Резонёр, как правило, не связан и с бытовым началом в комедии (если такое наличествует). Он всегда не только от него дистанцирован, но и стоит как бы над ним. Являясь носителем идеальных представлений о жизни, он и смотрит на неё со стороны, оценивая её с высоты своего идеала. Контактируя с отрицательными персонажами, он пытается воздействовать на них словом, переубедить их, заставить их исправиться. У Фонвизина же Стародум не предпринимает никаких усилий для перевоспитания «злонравных невежд» Простаковых с помощью словесных поучений, сознавая, очевидно, их бессмысленность в данном случае. Он предпочитает слову дело, нотациям – действие закона как самый верный «способ прекратить бесчеловечие злой помещицы» и с облегчением воспринимает известие о том, что Правдин уполномочен правительством «принять в опеку дом и деревни» Простаковой. В общении с Простаковыми Стародум вступает лишь по необходимости, явно тяготясь их присутствием, и желает как можно скорее покинуть их усадьбу.

Главной же структурной чертой резонёра как комедийного типа является рассуждающее говорение, то есть передача мысленных операций и заключений посредством звучащей речи. Сценическая речь резонёра тяготеет к мно-

гословию, словесной избыточности, что отражается в пространности монологов и развёрнутом характере реплик в диалогах. Её основной пафос – нравоучение, поэтому она логична и последовательна, интонационно вариативна, она, что называется, заставляет в себя вслушиваться. Реплики и монологи резонёра, обычно малосвязанные со сценическим действием, были адресованы не столько другим персонажам, сколько зрительному залу. Театр эпохи Просвещения был театром открытого типа, театром без «четвёртой стены», ориентированным на прямое нравственное воздействие на зрителя. Проводником этого воздействия и служил резонёр, нравоучительные речи которого весьма заинтересованно воспринимались театральной аудиторией того времени. Вряд ли стоит недооценивать известное признание Фонвизина в том, что сценическим успехом своего «Недоросля» он обязан «особе» Стародума. По его же свидетельству, и через шесть лет после первой постановки комедии «публика» слушала «с удовольствием» «целые явления», составленные «из разговоров» Стародума «с Правдиным, Милоном и Софьею».

Нравоучение предполагает критику существующего образа мыслей и поведения (считающегося по каким-то причинам неправильным) и наставление в новом (считающемся по каким-то причинам правильным). Соответственно и сценическая речь резонёра содержит в себе две взаимосвязанные функции: обличение сущего и утверждение должно-го. Объектами резонёрского обличения обычно становятся социально-нравст-

венные пороки дворянства (реже – чиновничества и купечества), приводящие к негативным явлениям в общественной жизни. Прежде всего это пороки, порождённые неправильным воспитанием (как традиционным русским, так и новым европеизированным), такие, как невежество, суеверие, грубость нравов, ханжество, щегольство и мотовство, галломания, развращённость и сластолюбие, сословное чванство, корыстолюбие, нежелание дворян служить. Так, Честон в *Хвастуне* Княжнина, обращаясь к своему сыну Замиру, произносит:

Не стыдно ли тебе, скажи, любезный сын,
Носить ничем ещё не заслуженный чин?
И, титлом пользуясь природного дворянства,
Иных прав не иметь, кроме только чванства?
<...> И всякий человек, породой отличенный,
Быть должен гражданин, заслугами отменный;
А впрочем, род – мечта; и что дворянство есть?
Лишь обязательство любить прямую честь.
Но в чём она? Мой сын, ты это точно знаешь:
Чтоб должность исполнять; а ты не исполняешь.
Ступай в свой полк, служи ты, взяв с меня пример¹¹.

«Честный, добродетельный» Дон Жуан в комедии Я. Чаадаева *Дон Педро Прокодуранте, или Наказанный бездельник* (1794) с горечью констатирует:

<...> куда ни оглянись, везде господствуют пороки: вражда, ненависть, зависть; а корыстолюбие заразило все сердца; происки, подлость и хитрость составляют по боль-

¹¹ Стихотворная комедия, с. 380.

шой части все заслуги, а наличные деньги все достоинства (Чаадаев, II, 12)¹².

Он говорит о «великом в общежитии развращении, произведённом роскошью и сластолюбием»:

Все к тому стремятся, всю цель своих желаний в том полагают, чтоб плавать в неге и забавах, окружену быть великолепием. Всё сие доставляют деньги; их-то все наперерыв и приобрести желают, не заботясь о том, какими способами; видят, что даже и Дона Педро Прокодуранте [главный отрицательный персонаж пьесы, под именем которого выведено реальное лицо – директор экономии Казённой палаты Нижегородского наместничества П.И. Прокудин. – *И.К.*] ради его богатства и роскоши все уважают: а из сего заключают, что нет нужды в честности, нет нужды в добродетели, чтобы доставить уважение, лишь надобно быть богату; деньги ныне владычествуют над большею частию человеческого рода: они застилают знатым людям уши и не допускают до слуха их стенания несчастных – страждущих под игом несправедливости; они жесточат сердце их и приучают глаза их смотреть без сострадания и без жалости на горесть и отчаяние вдов и сирот, они поощряют на все неистовые злодеяния (*там же*).

Эти рассуждения перекликаются с высказываниями фонвизинского Стародума:

И я согласен назвать счастливым знатного и богатого. Да сперва согласимся, кто знатен и кто богат. <...> По моему расчёту, не тот богат, который отсчитывает деньги, чтоб прятать их в сундук, а тот, который отсчитывает у себя лишнее, чтоб помочь

тому, у кого нет нужного (Фонвизин, IV, 2).

Стародум не отрицает значения денег и богатства для счастья человека, но они для него не самоцель, а практическое средство сохранения духовной независимости от порабощающих её условий жизни. «Я нажил столько, – говорит он Софье, – чтоб при твоём замужестве не останавливала нас бедность жениха достойного» (Фонвизин, III, 2). Своё богатство, нажитое честным трудом, он противопоставляет богатству нечестному:

<...> решил я удалиться на несколько лет в ту землю, где достают деньги, не променявая их на совесть, без подлой выслуги, не грабя отечества; где требуют денег от самой земли, которая поправосуднее людей, лицепрятия не знает, а платит одни труды верно и щедро (*там же*).

Стародум выступает и против чрезмерного богатства – на замечание Правдина о том, что он мог бы в Сибири «обогатиться <...> несравненно больше», следует поразительный вопрос-ответ Стародума: «А на что?» По его мнению, денег нужно человеку столько, чтобы не испытывать недостатка в необходимом. Показательно, что Стародум, сам равнодушный к деньгам, отправляется их зарабатывать в Сибирь не для себя, а ради рано овдовевшей своей сестры, оставшейся с дочерью на руках, – «чтоб оградить её жизнь от недостатку в нужном». Рассматривая помощь обедневшим родственницам как свою прямую обязанность, Стародум в то же время считает излишним «оставлять богатство детям» [в этом контексте речь идёт о детях мужского пола. – *И.К.*]:

¹² Чаадаев Я.П., *Дон Педро Прокодуранте, или Наказанной бездельник: Комедия сочинения Калдерона де ла Барка*. С Гишпанскаго на Российской язык переведена в Нижнем Новгороде, Москва: Унив. тип., у Ридигера и Клаудия, 1794.

«Умны будут – без него обойдутся; а глупому сыну не в помощь богатство» (Фонвизин, III, 2).

Острой критике в речах резонёров подвергается российское судопроизводство: судейский произвол, неправосудие, лихоимство судей. Праводум в *Злоумном* по поводу барона Безделюшкина, от имени которого ему предложено «выгодное место» в обмен на его согласие на брак Честаны с Ядоном, говорит следующее:

Друг Ядону? друг всесветному плуту? и кто? тот, которому в государстве препоручены, как видно, весы правосудия?.. Покорно прошу после этого дивиться и делать вопросы, для чего случается в свете, что умные и заслуженные люди, любя служить отечеству, бегут в отставку?.. Мудрено ли это, что разбрелись огородники, коли козлы приставлены к огородам? <...> эти мохнатые козлики такой имеют дар превращаться, что хоть будь ты семи пядей во лбу, так по виду козла в нём не увидишь... огородник, да и полно!.. то и дело, что обещает чудеса... из огурца арбузы, из тыквы дыни, а на деле, государи мои... а на деле... не токмо капустного листочка, и кочерыги на завод не оставит (*Злоумный*, III, 7)¹³.

Значительно реже в орбиту резонёрского обличения попадают такие язвы российской действительности, как крепостничество, придворный фаворитизм, цинизм и развращённость двора, казнокрадство. Выпадами против фаворитов отмечены высказывания Пра-

водума в *Злоумном*: своё понимание чести он противопоставляет наружной чести «случайных господ», гордящихся «так часто лишь тою честью, которую они носят на бедрах да через плеча свои, а не тою, которая должна бы быть в их сердце». Праводум подчёркивает, что в отличие от «людей в случае» он свои награды «получил за услуги отечеству», а не лицам (*Злоумный*, III, 8). Резкая критика большого «неисцельно» двора, облечённая в иносказательную форму, звучит в репликах фонвизинского Стародума:

<...> в этой стороне по большой прямой дороге никто почти не ездит, а все объезжают крючком, надеясь доехать поскорее; а дорога эта «такова-то просторна, что двое, встретясь, разойтись не могут. Один другого сваливает, и тот, кто на ногах, не поднимает уже никогда того, кто на земли»; «тут себя любят отменно; о себе одном пекутся; об одном настоящем часе суетятся» (Фонвизин, III, 1).

Стародум же произносит слова (едва ли не единственные в русской комедии-ографии XVIII в.), осуждающие произвол помещиков-крепостников: «<...> угнетать рабством себе подобных незаконно» (Фонвизин, V, 1).

Что касается второй функции сценической речи резонёра (утверждения должного), то она осуществлялась путём провозглашения со сцены этических идеалов, так или иначе связанных с философией Просвещения. Содержательный анализ резонёрских рассуждений о морально-нравственных качествах человека, его правах и обязанностях по отношению к обществу позволяет выявить основные этико-философские принципы оценки личности в эпоху

¹³ *Злоумный*: Комедия в пяти действиях, *Российский феатр, или Полное собрание всех российских феатральных сочинений. Часть 23*, С.-Петербург: при Имп. Академии наук, 1788. Цитаты из текста комедии приводятся с указанием названия комедии и цифровых обозначений действия (римская цифра) и явления (арабская цифра).

Просвещения. Первостепенное значение в этом плане приобретают речи фонвизинского Стародума, в которых наиболее полно был сформулирован нравственный кодекс эпохи.

Основой его содержания являлось понятие «честного человека», включавшее в себя несколько концептуальных черт. Важнейшей из них считалось благонравие, или добронравие, которое понималось в то время как «добродетельное расположение к выполнению обязанностей, должностей» (*Словарь Академии Российской*). Благонравие / добронравие значило гораздо больше, чем ум, ибо только оно «даёт» ему «прямую цену». «Без него умный человек – чудовище. Оно неизмеримо выше всей беглости ума. Это легко понять всякому, кто хорошенько подумает» (Фонвизин, IV, 2). Благонравие, по Стародуму, – качество равно необходимое всем людям, но прежде всего тем, от кого зависят судьбы других, особенно «государю». «Способы сделать людей добрыми» – в его руках, он должен создать такие условия в государстве, чтобы «всякий» находил «свою выгоду быть благонравным». «Его дело показать людям прямое их благо», направить их к нему и тем самым «возвысить души своих подданных», только тогда государь будет достоин престола (Фонвизин, V, 1). Благонравие, с точки зрения Стародума, должно лежать в основе и социальных, и семейных отношений. Недаром в финале комедии, когда Простакова терпит двойное фиаско (как помещица и как мать), он ставит ей в вину её «злонравие».

Такой же высокой этической значимостью, как благонравие, обладала

и добродетель. По словам Стародума, «добродетель всё заменяет, а добродетели ничто заменить не может» (Фонвизин, IV, 2). Он против чтения Софьей «нынешних мудрецов» [имеются в виду французские философы-просветители. – *И.К.*] по той причине, что они «воротят с корню добродетель», а это, в его глазах, не искупается даже искоренением предрассудков в их сочинениях. Любой «дом» будет «несчастливым», по его мнению, если и муж, и жена «своротили с пути добродетели»:

И какого воспитания ожидать детям от матери, потерявшей добродетель? Как ей учить их благонравию, которого в ней нет? (*там же*).

Отличительной чертой «честного человека» была его образованность, просвещённость. Она органически и в обязательном порядке сочеталась с его безупречной нравственностью. В этике Просвещения эти две категории постоянно выступали в паре и были взаимосвязаны. Стародум называет «главной целью всех знаний человеческих благонравие». Он убеждён, что «наука в развращённом человеке есть лютое оружие делать зло» и что «просвещение возвышает одну добродетельную душу» (Фонвизин, V, 1). В благонравном Милоне фонвизинский резонёр прежде всего почитает «добродетель, украшенную рассудком просвещённым» (Фонвизин, IV, 6).

В не меньшей мере, чем «просвещённый рассудок», «честного человека» украшало чувствительное сердце или душа. Понятие чувствительности, наряду с разумом, было одним из основополагающих в просветительской

философии. Как и разум, чувствительность рассматривалась как неотъемлемое свойство человека, присущее только ему. Она – «основа “страстей” – волевых импульсов, побуждающих человека к различным, в том числе и общественным действиям, <...> драгоценное качество, дарованное человеку природой, определяющее его общественное бытие и гражданские добродетели»¹⁴. В философском осмыслении человека в XVIII столетии разум и чувство всегда расценивались как противопоставленные категории. В то же время они воспринимались как две стороны единого внутреннего мира личности, были соотнесены между собой. Только уравновесив чувство и разум, человек мог достигнуть гармонии. В отличие от разума чувство не являлось абсолютной ценностью. Как проявление стихийного начала в человеке, оно могло быть слепой страстью, не считавшейся с доводами рассудка. В таком качестве чувство могло принести человеку зло, и в этом случае оно оценивалось отрицательно. Положительное значение, по мнению просветителей, получало только такое «чувствование», в основе которого лежало нравственное движение сердца, определённое добродетельное устремление. «Добродетельное сердце» и душа нередко ценились выше разума и образованности, только обладая ими можно стать истинным человеком и гражданином. «<...> имей сердце, имей душу, и будешь человек во всякое время, – говорит Стародум. – На всё прочее мода: на умы мода, на знания мода, как

на пряжки, на пуговицы» (Фонвизин, III, 1). Та же самая мысль звучит в словах Дон Жуана из комедии Я. Чаадаева *Дон Педро Прокодуранте...*:

<...> не тот велик, кто огромным родословием хвастается, и, имея великие вотчины, в силах тысячи учинить несчастных, но тот, кто имеет добродельную и великую душу...

(Чаадаев, II, 12)

И, наоборот, без сердца, без души образованность ничего не стоит: «Без нее [души. – И.К.] просвещёнейшая умница – жалкая тварь» (Фонвизин, III, 1). Бездушные же в соединении с невежеством превращают человека в зверя: «Невежда без души – зверь» (там же). Такими зверями, по мнению Стародума, и является семейство Простаковых, что подтверждается последующими словами: «От таких-то животных пришёл я свободить...» (*там же*). Реакции души на те или иные человеческие поступки служат критерием их оценки. Стародум говорит о «душевном почтении»: «Одно почтение должно быть лестно человеку – душевное; а душевного почтения достоин только тот, кто в чинах не по деньгам, а в знати не по чинам» (Фонвизин, III, 2); Правдин – о «душевном презрении», без которого «нельзя себе вообразить, что такое льстец» (Фонвизин, V, 1). Без помощи души не найти истину: «Сколь великой душе надобно быть в государе, чтоб стать на стезю истины и никогда с нею не совращаться!» (*там же*). Видя в Софье «сердце честного человека», сам Стародум наделён им в полной мере. Он «с нежнейшею горячностью» (по ремарке) отзывается на «чувствитель-

¹⁴ Орлов П.А., *Русский сентиментализм*, Изд-во Московского ун-та, 1977, с. 27–28.

ность» Софьи, принимающей сердцем его наставления, и с «негодованием» реагирует на «недостойный поступок» Простаковых. Ему вообще свойственна острая эмоциональная реакция на несправедливость (о чём свидетельствуют характерные метафоры: «сердце моё *кипит* ... негодованием»; «такое неправосудие *растерзало* моё сердце»; «ничто так не *терзало* моё сердце, как невинность в сетях коварства»), следствием которой в его молодости стало импульсивное решение оставить военную службу.

Считая нравственность человека сущностной основой его личности, просветители предъявляли к ней максимально высокие требования. Она должна была быть совершенной, без каких-либо изъянов и недостатков. Фонвизинский резонёр выражает это предельно отчётливо:

Умного человека легко извинить можно, если он какого-нибудь качества ума и не имеет. Честному человеку никак простить нельзя, ежели недостаёт в нём какого-нибудь качества сердца. Ему необходимо всё иметь надобно. Достоинство сердца неразделимо. Честный человек должен быть совершенно честный человек (Фонвизин, IV, 2).

Нравственность человека определяла частную, семейную и общественную сферы его жизни, которые, в представлении просветителей, были тесно связаны. Семья рассматривалась ими как первооснова общества. Именно в семье человек получает первые навыки общения с другими людьми, тем самым готовя себя к будущему выполнению гражданских обязанностей. «Злонравно» воспитанный человек был, по ло-

гике просветителей, не только «худым мужем», «худым отцом», но и «худым гражданином». «Ну, что для отечества может выйти из Митрофанушки, за которого невежды-родители платят ещё и деньги невеждам-учителям?» – риторически вопрошает Стародум (Фонвизин, V, 1).

Главной задачей нравственного воспитания являлось формирование в человеке чувства долга (на языке XVIII в. – «должности»), определённого круга обязанностей по отношению к членам семьи, обществу, отечеству. По Стародуму, «должность» – «это тот священный обет, которым обязаны мы всем тем, с кем живём и от кого зависим» (Фонвизин, IV, 2). В неукоснительном исполнении своей «должности» каждым человеком независимо от его сословного положения он видит залог семейного и общественного благополучия и счастья – тогда «всякое состояние людей оставалось бы при своём любочестии и было б совершенно счастливо» (*там же*). И наоборот – неисполнение «должности» приводит к несчастью как в семье, так и в обществе. В диалоге с Софьей Стародум описывает «несчастный дом, каковых множество», где жена и муж презрели свои обязанности по отношению друг к другу, и как следствие – «дом брошен <...> имение расточается <...> дети, несчастные их дети, при жизни отца и матери уже осиротели» (*там же*). «Несчастливым следствием дурного воспитания» является Митрофан Простаков, которому не смогли внушить понятия о его «должности» ни «невежды-родители», ни «невежды-учителя».

Свои рассуждения о «должности» Стародум начинает с констатации утраты истинного смысла этого слова современным ему обществом, произошедшим от его «всечасного употребления». Возвращая слову его настоящее значение, Стародум требует его претворения в дело:

Дворянин... считал бы за первое бесчестие не делать ничего, когда есть ему столько дела: есть люди, которым помогать; есть отечество, которому служить (*там же*).

В научной литературе о *Недоросле* в комментариях к этим словам, как правило, акцентируется тезис об обязанности дворянина служить, о названной же первой – «должности» помогать людям – почти ничего не говорится. Между тем она заслуживает более пристального внимания. В отличие от атрибутивно-дворянского долга государственной службы (остававшимся таковым несмотря на указ о вольности дворянской), «должность» помогать людям имеет внесословный характер и является практическим выражением общечеловеческой, христианской морали, основанной на принципах гуманизма. Следует оговориться, что слово «люди» в XVIII в. имело и сословную семантику: так называли в дворянском обиходе крепостных (отсюда слово «людская» – помещение для крепостных слуг в дворянском доме). Слово в этом значении использует в своей речи и Стародум: «Люди забывают долг повиновения, видя в самом господине своём раба гнусных страстей его» (Фонвизин, IV, 2). Однако, говоря об обязанности дворянина помогать людям, Стародум явно употребляет это слово в широком значе-

нии. Показательна в этом плане реакция Стародума на обморок Простаковой в финале комедии. Он говорит подбежавшей к ней Софье: «Помоги ей, помоги». Затем следует реплика Еремеевне: «Что она теперь? Что?» Слова эти свидетельствуют о сочувствии Стародума Простаковой, но он сочувствует не «злой помещице», потерявшей власть в своём имении, а несчастной матери, отвергнутой любимым сыном. Важно и другое. Эта реакция Стародума проистекает из его сердца: он сочувствует не как дворянин, а как человек. Человеческое начало, таким образом, оказывается более значимым, чем сословное.

«Истинное существо должности дворянина» как представителя правящего сословия состояло и в выполнении им своих обязательств перед низшими сословиями, в первую очередь, перед зависящими от него крепостными крестьянами. «Честный дворянин», «имея над людьми своими полную власть», не должен употреблять её «во зло бесчеловечно», как это делают «злонравные невежды». «Угнетать рабством себе подобных незаконно», – заявляет со сцены Стародум (Фонвизин, V, 1). В этом знаменитом высказывании всё значимо: и приравнение крепостнических злоупотреблений к рабству («угнетать рабством»), в идеологии Просвещения ставшему обозначением самой крайней формы подавления личности, и провозглашение просветительской идеи естественного равенства людей разного социального положения («себе подобных»), что в российских условиях XVIII в. означало невозможную для сознания многих дворян мысль об их

природной одинаковости с крепостными, и понятие закона как единственного регулятора социально-общественных отношений («беззаконно»). В подобном понимании закона Фонвизин выступает как истинный сын века Просвещения. В комедии крепостническое самоуправство Простаковой и Стародумом, и Правдиным именуется «бесчеловечием», то есть оценивается с точки зрения общечеловеческой морали как что-то с ней не согласующееся, выпадающее из системы гуманистических координат. Логичнее поэтому было бы употребить в вердикте Стародума вместо «беззаконно» – «бесчеловечно» («Угнетать рабством себе подобных бесчеловечно»). Однако Фонвизин использует именно «беззаконно», поскольку «бесчеловечно» только констатирует отклонение от всех человеческих норм и правил, а «беззаконно» указывает на возможность борьбы с ним. Оценивая крепостное рабство как беззаконие, Фонвизин тем самым ставит вопрос о необходимости устройства жизни как всего общества в целом, так и каждого его члена на разумных законных основаниях. Противопоставление закона и беззакония – одна из постоянных просветительских оппозиций. Согласно просветительским представлениям, общество и государство должны были существовать по разумным законам, соблюдение которых гарантировало их процветание. Соответственно и каждый человек в своей частной и общественной жизни должен был строго следовать определённым нормам, от этого зависело его личное благополучие и счастье. «<...> каждый должен искать своего счастья и выгод в

том одном, что законно», – утверждает Стародум (Фонвизин, V, 1).

С категорией закона нередко соединялась другая универсальная и постоянная категория просветительской философии – понятие пользы. В этике Просвещения человек прежде всего оценивался с точки зрения пользы, приносимой им семье, близким людям, обществу, государству. Общественная ценность человека определялась его отношением к «должности». В необразованном, не помышляющем о службе недоросле Стародум видит прежде всего бесполезного для общества дворянина, и этот критерий является для резонёра главным. Польза, приносимая обществу, заслуги перед ним давали человеку право на «истинное почтение», оно ценилось выше знатности и богатства. По Стародуму, «без знатных дел знатное состояние ничто», а «степени знатности» следовало бы рассчитывать «по числу дел, которые большой господин сделал для отечества» (Фонвизин, IV, 2).

С благонаравием, добродетелью, законом и пользой в просветительской этике тесно увязывалось понятие счастья, в достижении которого видели основную цель человеческой жизни. Рассуждая о счастье в диалоге с Софьей (Фонвизин, IV, 2), Стародум мыслит его в служении отечеству и в помощи нуждающимся. Он не считает счастливым того, «кто счастлив один», по его убеждению, счастье альтруистично. Своей задачей после возвращения из Сибири он считает попечение о счастье Софьи. Он уверен, что она будет счастлива, так как видит в ней самой «твёрдое основание счастья» – «сердце честного человека» и

добродетельную душу. Такое счастье «не будет зависеть ни от знатности, ни от богатства».

Просвещение было эпохой оптимистической веры в человека. Пропагандируя со сцены, в литературе и публицистике просветительский идеал личности, деятели культуры этого времени считали его вполне достижимым. Всё зависело, по их мнению, от воспитания и образования и от личной активности самого человека. В представлении просветителей его возможности были безграничны – путём нравственного совершенствования человек мог не только изменить себя и собственную жизнь, но и способствовать переустройству общества. На вопрос Софьи: «Всякий ли человек может быть добродетелен?» Стародум отвечает: «Поверь мне, всякий найдёт в себе довольно сил, чтоб быть добродетельну. Надобно захотеть решительно...» (Фонвизин, IV, 2).

Речь Стародума проникнута публицистическим пафосом, злободневностью поднятых социально-нравственных и государственных проблем. В его диалогах-беседах с Правдиным и Софьей «обличение сливается с утверждением позитивных идеалов» говорящего его устами автора, сама же «форма этих бесед очень часто восходит к манере диалогических философских трактатов просветителей»¹⁵. По своей форме речь Стародума диалогична, по характеру – двуприродна, так как содержит в себе сильное монологическое начало. Ответные реплики Стародума, как правило, превосходят по объёму

стимулирующие реплики Правдина и Софьи, которые служат поводом, отправной точкой для его развёрнутых рассуждений. В диалогах с Софьей и Правдиным в полной мере реализуется определяющая типовая черта Стародума как резонёра – говорение, которое, по сути, является «единственной свойственной» ему «формой сценического действия»¹⁶. Говоря о сценической речи фонвизинского резонёра, следует отметить разительный контраст его речевых контактов в сценах с положительными и отрицательными персонажами. Если с первыми он серьёзен, пафосен и многословен, то со вторыми – часто ироничен, прозаичен и лапидарен.

Нередко в комедиях с участием резонёра ему принадлежала и финальная реплика «под занавес». Обычно она имела вид нравоучительной сентенции, содержащей в себе дидактический вывод из представленного на сцене действия. Но главной функцией финальной реплики был оптимистический посыл зрителям, заключавшийся в уверенности победы добродетели над пороком. Так, Праводум заканчивает действие *Злоумного* следующими словами:

<...> всё дело сделано, плут наказан, честный награждён. Кто ж в обществе счастлив, плут или честный, о том пусть судят благоразумные, а мне с честью, право, жить весело (*Злоумный*, V, последнее).

Фонвизин придал финальным словам Стародума «Вот злонравия достойные плоды!» совершенно новый смысл. «Стародум изрекает это, “указав на г-жу Простакову”, а не на Митрофана. Он-то

¹⁵ Стенник Ю.В., Указ. соч., с. 316, 323.

¹⁶ Лебедева О.Б., Указ. соч., с. 249.

плод, так сказать, физический, материальный и, по суждению Правдина, не окончательно погибший: «– С тобой, дружок, знаю, что делать. Пошёл-ко служить...». Уверенное “знаю” говорит о том, что Митрофана ещё попытаются вернуть на стезю государственной службы и государственной истины. Но плод злонравия, о коем толкует Стародум, безнадежен. Это разбитая жизнь Простаковой»¹⁷. Финальная реплика фонвизинского резонёра побуждала к

¹⁷ Рассадин С.Б., *Сатиры смелый властелин*, Москва: Книга, 1985, с. 207.

горькому раздумью, что было сродни эффекту трагедийного воздействия, само же раздумье потенциально заключало в себе возможности государственно-политических выводов.

Комедийный тип резонёра был порождением культуры Просвещения с её рациональным дидактизмом и верой в возможность воспитания совершенной личности. С наступлением новой эпохи, выдвинувшей перед театральным искусством новые задачи, он всё больше стал восприниматься как анахронизм и постепенно к концу 1810-х гг. окончательно сошёл со сцены.

REZONIERIAUS TIPAS XVIII AMŽIAUS RUSŲ KOMEDIJOJE

Irina Kulikova

S a n t r a u k a

Straipsnyje analizuojamas XVIII a. rusų rezonieriaus sceninis tipas. Tai personažas, kuris yra būdingiausias Apšvietos epochos pamokomajai komedijai. Remiantis XVIII a. paskutinio trečdaliao komedijomis, straipsnyje tyrinėjami pagrindiniai rezonieriaus tipologiniai bruožai ir funkcijos, kurias sąlygojo didakti-

niai Apšvietos amžiaus teatro uždaviniai. Ypatingas dėmesys skiriamas rezonierių kalbų etinio turinio analizei, kuri atliekama pasitelkiant iš esmės pagrindinio XVIII a. rusų scenos rezonieriaus ir ideologo – D. Fonvizino komedijos *Nesubrendėlis* personažo Starodumo – samprotavimus.

THE TYPE OF THE REASONER IN THE 18TH CENTURY RUSSIAN COMEDY

Irina Kulikova

S u m m a r y

The article deals with the type of the stage reasoner in the 18th century Russian literature. It is a character common for educational comedies in the epoch of the Enlightenment. On the basis of the educational comedies written in the last three decades of the 18th century, the author of the article analyses both the typological features and functions of the reasoner,

which were determined by the educational objectives of the Enlightenment theatre. Special attention is given to the analysis of the ethic aspect of the reasoner's speeches. The focus is put on different reasoning cases of one of the main 18th-century Russian stage reasoner and ideologist Starodum in the comedy “The Simpleton” (*Nedorosle*) by D. Fonvizin.

Получено: 2013, сентябрь

Принято: 2013, октябрь

Адрес автора:

Baltupio g. 47-5

LT-08323 Vilnius Lietuva

E-mail: Kulikovadm@gmail.com